

Часть первая
«ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ»

Метель летела над всей Фландрией, сравнивая неровности, сглаживая невысокие холмы, заполняя рытвины и овражки. Тонкие белые змейки текли по земле, убегая от ветра, и все исчезало под ними: следы колес и следы слез, следы человеческих ног и следы крови. Вместе со змейками бежала по земле странная тишина: все вокруг как будто прислушивалось, пытаясь по каким-то неуловимым приметам понять — началось ли что-то вместе с этим снегопадом или же наоборот, сейчас схватится льдом, покроется снегом и заснет еще на шестьсот лет...

Но потом, разрывая эту толстую тишину, доносился скрип колес и фырканье лошади, и Сарториус вдруг стал захлебываться странным беспокойством. Оно накатывало волнами, вместе со звуками, доносившимися извне. Может быть, это было все из-за жара, который то поднимался, то опадал. Сар-

ториус явно был нездоров, но не вполне понимал, какого рода болезнь его терзает. Возможно, подхватил ее от человека, который помог починить их повозку.

Тот человек кашлял и был болезненно-бледен, а белки его глаз были в красных прожилках, губы пересохли.

Случилось ведь такое: повозка, в которой ехали секретарь герцога Эгмонта, Иоганн де Кассемброт, и его молодой помощник по имени Сарториус ван Эрпе, сломалась где-то посреди равнины, так далеко от любой помощи, что даже странно делалось. На этой плоской земле, куда ни посмотри, везде то мельница мелькнет, то островерхая крыша; но вот там, где колесо наскочило на камень, треснуло и отвалилось, вообще ничего поблизости не просматривалось. Только ровная

белая земля — докуда видит глаз. Змейки бежали по этой земле, все новые и новые, рождаясь из ничего и убегая в никуда. Сарториус кутался в тонкий плащ, красивый, но, как говорится, подбитый ветром. Ему было холодно, зуб на зуб не попадал; а Иоганн де Кассемброт согревался проклятиями и добрым вином из фляги, но ровным счетом ничего не предпринимал. Стоял, широко расставив ноги, и смотрел то вперед, то назад, а ветер рвал плащ с его плеч, закручивал и закидывал ему на голову. Кассемброт не снисходил до того, чтобы поправлять или удерживать плащ: ветер сам, одумавшись, одергивал полы и опускал плащ на плечи владельца, завивая красивыми складками.

Возница бегал взад-вперед, хватался за голову и за бока, охлопывал ладонями повозку, но колесо от этого не чинилось.

Вот тогда и появился тот человек, поначалу казавшийся невысоким и сгорбленным, словно плащ с капюшоном из грубой холстины прикрывал нечто бесформенное, прыгающее на согнутых ногах. Он как будто вырос из сугроба и покатился к сломанной повозке, все ближе и ближе, и по мере того как он катился, змейки собирались вокруг него, обвивали его ноги, ползли вверх по рукам, к горлу. Наконец он выпрямился — и оказался высоким и тощим. Лицо его, если бы он не корчил рожи, могло показаться молодым и миловидным, однако безобразные гримасы, непрерывно сменявшие одна другую, не позволяли чертам застыть, и, таким образом, рассмотреть его как следует было невозможно.

При виде сломанной повозки он заверещал и замахал руками. Плащ, как крылья птицы, раскинулся и поднял ветер.

— Фу ты, ну что ты делаешь, братец! — поморщился Иоганн де Кассемброт. — И без тебя тут холодно.

— Братцем называешь, а вином не угощаешь! — дерзко отвечал незнакомец. — Как такое понимать прикажешь?

— Да как хочешь; можешь вообще не понимать, — проворчал Иоганн де Кассемброт. Он был в дурном настроении, что и неудивительно.

— Ух, какой злюка... — незнакомец принялся кашлять на все лады, поворачиваясь вокруг своей оси: кашляет на север, подпрыгнет — развернется, кашляет на запад, подпрыгнет — развернется, а там и на юг кашляет, и восток не обидит, и так он весь мир обкашлял; видать, тогда и Сарториусу досталось; Иоганн де Кассемброт отбился от этого кашля своей выпивкой.

— Куда вы путь держите? — продолжал незнакомец, сплевывая на снег розовым.

— Тебе-то какое дело?

— Если ответите, подарю вам колесо.

— Откуда ты возьмешь колесо?

— Оттуда же, откуда все беру: из себя.

— Ты, что ли, мир создал?

— Может, и не я, но все для починки этого мира у меня при себе имеется.

Иоганн де Кассемброт рассмеялся: находчивость бродяги-философа пришла к нему по душе.

— Что ж, нужно нам в Хертогенбос, но по пути мы собираемся заехать еще во много других мест.

— А что вам понадобилось в Хертогенбосе?

— Есть у тебя колесо или нет?

— Что ж, — поразмыслив, произнес незнакомый человек, — на главный мой вопрос ты ответил, а все остальное я со временем и так узнаю. Колесо у меня есть, и я его тебе отдам.

С этими словами незнакомец пошарил у себя под плащом и выкатил наружу то, что делало его горбатым: большое колесо, которое как раз подошло для повозки. Возница схватил это колесо и потащил прилаживать, а Иоганн де Кассемброт спросил:

— Почему ты носил колесо под плащом?

— Это мое право: хочу ношу колесо под плащом, хочу не ношу. Уж это-то право никто у меня не отберет, ни архиепископ, ни сам герцог Эгмонт! — отвечал незнакомец.

— В любом случае это оказалось к моей пользе, — признал Иоганн де Кассемброт и вручил незнакомцу стювер. Он был справедливым человеком.

Стювер этот незнакомец, прикусив, быстро сунул под плащ, снова сделался горбат и, подсакивая при каждом шаге, помчался прочь. Змейки бежали за ним, как ручные зверьки, и скоро совершенно скрыли его из виду.

Иоганн де Кассемброт не отличался боязливостью, и поэтому встреча с человеком, кашляющим на все стороны света, не оставила на нем никакого следа. А вот задумчивый Сарториус сильно от нее пострадал и всю дорогу кашлял так, что грудь надрывалась. Но ни мгновения он не жалел о том, что напросился в эту поездку, потому что привез из нее книги, бывшие для него драгоценнее всякого золота.

Гызмальства Сарториус ван Эрпе был убежден: если окликнуть по имени — человека ли, животное ли, а может, и неживой предмет, — то всякое существо тотчас предстанет перед тобой и покорится. Вот только узнаешь ли ты его в тот миг, когда оно явится, — зависит отчасти от тебя, а отчасти от стечения обстоятельств, подчас удручающе глупого.

Да и с именами на самом деле обстояло не все так просто: известно, что искусство вызывать из хаоса сущее в нем унаследовано человеком от изначального Адама, который, собственно, и давал всему имена. Так было давным-давно, в раю. Но ведь наследство — такая вещь, которую обычно не ценят, достается оно даром, без всяких усилий со стороны наследника; поэтому обычному человеку свойственно проматывать его где ни попадя, а потом ходить по знакомым и плакаться на несправедливость мироустройства. Так вот и Адамово наследство было человечеством по большей части разбазарено. Тем не менее оставались еще и такие люди, как Сарториус, которые искали имена, поскольку знали: в правильной комбинации звуков скрыта истинная власть над миром. Они тратили неисчислимые часы своей жизни на поиск этих комбинаций и порой добивались успеха, обычно небольшого. Но даже и мизерный успех в подобном деле был ошеломителен, ведь даже власть над каким-нибудь тараканом была частью древней, еще райской абсолютной власти первого Адама.

Что касается правильных комбинаций звуков, то они представляли собой изначальную, то есть райскую речь человечества и, разумеется, были безвозвратно утеряны. Мельчайшие осколки их все-таки сохранились в вавилонском, египетском, древнегреческом языках и в самой малой степени — в звонкой латыни, правда, здорово оскверненной похабными песенками школяров. Какие именно части названных языков содержат в себе эти драгоценные осколки — никому не ведомо. Вот почему Сарториус на всякий случай задался целью изучить их все.

Монастырская библиотека немного могла предложить для этих занятий, поэтому Сарториусу следовало как можно скорее расширить свои возможности. И через некое дальнее родство с более-менее влиятельными людьми он в конце концов сумел прибиться к свите герцога Эгмонта. Осторожно пройдя по нескольким незначительным головам, Сарториус ван Эрпе сделался младшим секретарем при Иоганне де Кассемброте, доверенном секретаре герцога.

3

Дорога до Хертогенбоса заняла почти месяц: Кассемброт не спешил, по несколько дней задерживался даже в самых небольших городах. При каждом удобном случае Сарториус навещался в монастыри или навещал ученых мужей, если таковые имелись, но гораздо чаще маялся и томился на очередном постоялом дворе, поскольку затяжное путешествие не могло предложить ему ничего, кроме черствого хлеба и унылого плоского пейзажа за окном.

Как-то вечером Кассемброт сказал своему помощнику:

— Сдается мне, друг мой, вы отчаянно тоскуете.

Сарториус ван Эрпе оторвался от затрепанного молитвенника, в котором силился разобрать полустертые буквы, накарябанные кем-то на полях очень давно, и посмотрел на своего патрона слезящимися глазами.

Вид Сарториуса — изможденного, с набрякшими веками — огорчил Кассемброта. Сам-то он отличался обилием жизненных сил и обладал немалой крепостью духа. Кассемброт подумал о том, что мало уделяет внимания своему младшему секретарю, а если уж говорить начистоту — почти не замечает его, бездумно сбрасывая на него самые скучные дела. А ведь они товарищи по путешествию, и, быть может, в какой-то момент Кассемброт даже будет зависеть от его преданности и решимости.

Так что же за человек неотлучно находится рядом с ним? Какие думы бродят в его бритой голове с наморщенной кожей лба? Об этом стоило бы хорошенько поразмыслить. Мысль о том, что поблизости день и ночь находится некая неизведанная вселенная, внезапно испугала Кассемброта, поскольку до сих пор он совершенно искренне полагал, что единственная достойная внимания вселенная (помимо его собственной) — это герцог Эгмонт.

— Вы слишком погружены в свои благочестивые штудии, — добавил Кассемброт. — Это может повредить здоровью, а оно у вас и без того довольно слабое. Нельзя пренебрегать своим телом, отдаваясь лишь умственным занятиям.

— Благодарю вашу милость за заботу, — отозвался Сарториус хрипло. Он нарушил молчание впервые за два дня, и потому голос плохо слушался его.

— Выпейте горячего вина, — предложил Кассельброт и оглянулся в поисках служанки.

Надо сказать, что этот разговор происходил на постоялом дворе недалеко от Антверпена. Служанка по непонятной причине отсутствовала, поэтому

и горячее вино появиться никак не смогло, так что забота Кассемброта о своем помощнике ограничилась добрым пожеланием.

Сарториус подслеповато моргал с растерянным видом, поскольку вопрос о самочувствии вырвал его из привычного потока мыслей и выбросил, как говорится, на непонятную сушу. Будь Сарториус рыбой, он, конечно, не сумел бы обжиться на этой суше и задохнулся бы от обилия свежего воздуха, но он, по счастью, представлял собой человека, поэтому спустя короткое время пришел в себя.

— Цель моего существования — помимо службы его светлости герцогу, разумеется, — поиск истинного языка, которым разговаривали люди в раю, — пустился Сарториус в объяснения.

Кассемброт допил свое вино и с силой поставил бокал на стол, словно припечатал нечто невидимое владычной печатью.

— Вы полагаете, — заговорил после паузы Кассемброт, — что в раю люди будут разговаривать на особом языке? Я всегда считал, что они там будут изъясняться на латыни.

— Собственно, целью моих поисков является язык не будущего, а изначального рая, то есть погибшего, — оживился Сарториус, который ступил на знакомую почву. — Что касается рая грядущего, то невозможно предсказать, каким языком станут изъясняться там люди и только ли люди там окажутся.

— А кто еще может там оказаться? — удивился Кассемброт.

— Возможно, добродетельные животные, чьи души соединились с душами их владельцев, например кони, — сказал Сарториус, глядя куда-то в полутемный угол комнаты. — А также кентавры, что приняли крещение от Антония Великого в египетской пустыне, и некоторые из псоглавцев. Также раскаявшиеся жонглеры и утонувшие девственницы, если только они не были ведьмами. Язык же кентавров, несомненно, был древнегреческим, однако Антоний Великий понимал их.

— Возможно, кентавры объяснялись с ним жестами, — предположил Кассемброт, которого сильно заинтересовала эта тема.

— Возможно, — сказал Сарториус и скользнул взглядом по молитвеннику. Ему хотелось вернуться к чтению,

но, с другой стороны, у Кассемброта возникло желание побеседовать, а пренебрегать желаниям покровителя Сарториус не решался.

Поэтому он закрыл молитвенник и отложил его в сторону.

— Нам также известны случаи, — продолжал Сарториус, — когда некоторые люди возвращались ненадолго к жизни после своей кончины. Чаще всего это случалось, если требовалось указать на убийцу или поведать о том, где закопаны семейные сокровища. В таких случаях возвращенные к жизни покойники нередко использовали адский диалект, который представляет собой не что иное, как кощунственно искаженный райский язык.

— Райский — это до Вавилонской башни? — осведомился Кассемброт.

— Полагаю, в полноте своей он существовал лишь до изгнания из рая, — ответил Сарториус. — Но пока не была возведена Вавилонская башня, многое из этого языка оставалось в обиходе. Конечно, обиход пачкает не только вещи, но и слова, однако...

Внезапно он прервал себя, сочтя, что заходит слишком далеко в своих предположениях.

— Продолжайте, прошу, — сказал Кассемброт, которого заинтересовали измышления младшего секретаря, поскольку на этом постоялом дворе все равно было нечем заняться.

— Собственно, я ищу любые рукописи на древних языках, даже обрывки, — признал Сарториус. — Любой из них может содержать в себе фрагмент давно утраченной райской речи. Но может и не содержать. Этого нам достоверно знать не дано.

Кассемброт окончательно убедился в том, что Сарториус ван Эрпе живет в мире, который не имеет ничего общего с реальностью. Если сам Кассемброт неустанно любит полями, реками, невысокими холмами, мельницами, силуэтами городов и красными крышами, а также селянками в белых чепцах, то Сарториусу все это представляется лишь тенями, призраками, едва ли способными потревожить яркий мир его собственных дум.

4

Хертогенбос в глазах Кассемброта выглядел городом, вполне заслуживающим внимания, небольшим и по нынешним временам весьма благополучным. Сарториус же, глядя на его башни, вдруг напрягся и как будто впервые за все время путешествия по-настоящему увидел ту реальность, что распахнулась перед ним в материальном своем воплощении.

— Что, красивый вид? — спросил Кассемброт, поглядывая на своего помощника искоса.

Тот слегка вздрогнул, как будто его разбудили.

— А вы разве не замечаете? — прошептал Сарториус. Он опять ухитрился не проронить ни слова за весь день и разомкнул уста только сейчас, когда уже надвигался вечер.

— Выглядит прекрасно, — произнес Кассемброт. Он предвкушал теплый вечер, очаг, хороший ужин, поэтому Хертогенбос с самого начала был весьма мил его сердцу.

— Все эти строения, если смотреть издалека, похожи на алхимические сосуды, расставленные на полке, — сказал Сарториус.

— Вам чудится в сумерках, а все потому, что вы слишком много размышляете.

— Ничего подобного. Это действительно так, — сказал Сарториус. — И я не сомневаюсь, ваша милость, что в этом городе нас ждут чрезвычайно занимательные вещи.

— Отлично! — сказал Кассемброт и потер руки. — Наконец-то хоть что-то показалось вам достойным внимания.

Повозка катила по дороге по направлению к городским воротам, и никто, включая возницу, не замечал, что к нему прикрепилося пятое колесо. Колесо это было полупрозрачное, но все же внимательный наблюдатель разглядел бы, что это стювер, только очень большой. И лишь у самых городских ворот он, звякнув, отцепился от телеги и растворился в темноте.

5

Часовня Братства Богоматери в Хертогенбосе оказалась изящной и маленькой. Меньше и изящнее, чем Сарториус представлял себе по описанию. Войдя, он остановился у самого входа, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку. Узкие окна зияли в стенах, как будто их рассекли мечом, и два луча падали на картину, находившуюся сразу за колонной. Резные существа, резвящиеся наверху колонны, скрывались под потолком, и Сарториус предпочел считать, что они вовсе не наблюдают за ним; впрочем, вряд ли они могут сойти с колонны и как-то ему навредить, поэтому он быстро выбросил их из головы.

Его внимание было приковано к картине, изображавшей поклонение волхвов. Собственно, ради этой картины работы мастера Иеронимуса из

Хертогенбоса и прибыл в город Иоганн де Кассемброт; он намеревался отвезти ее герцогу Эгмонту.

Мария с Младенцем на коленях сидела перед волхвами, а те надвигались на нее с дарами, неотвратимые, словно несли не подарки, а некую дурную весть. Чем дальше Сарториус всматривался в этот знакомый сюжет, тем сильнее росла тревога в его душе. Что-то было не так во всем происходящем. Красивая молодая женщина на картине выглядела совершенно незащищенной: она очутилась в чьем-то чужом владении, в каком-то потрепанном сарае, где произвела на свет ребенка, — и вот, набросив плащ прямо на голое тело, выскочил на непонятный шум владелец этого сарая.

— Кто таковы? Кто позволил войти?

Был он почти голым, хоть и в окружении слуг. На дороге же, у самой распахнутой двери сарая, топтались какие-то чужеземные люди в богатейших одеяниях и коронах, причем один из них был устрашающе черен. Этот был моложе всех, и он вызвал у хозяина сарая наибольшее удивление.

— Бывают разве такие люди? — закричал он. — Эй ты, откуда ты пришел?

Чернокожий король не отвечал, вообще не замечая хозяина: все его внимание устремилось на красавицу-мать и младенца.

— Что ты делаешь на моей земле? — с новой силой завопил хозяин сарая, теряясь в раздумьях: надо ли дать слугам знак гнать этих странных людей? — Времена-то сейчас весьма беспокойные; мало ли кто заявится... — ворчал он.

Слуги топтались за его спиной, перешептывались, хрустели соломой, скреблись, как мыши. Гаркнет им хозяин — поневоле придется им схватиться с королями. Короли-то заявились сюда почти без свиты, но кто их знает, какими силами они владеют...

А времена и впрямь были весьма беспокойные: на заднем плане картины две армии уже начинали битву, река бурлила, взбитая, как яичный белок, тонкими ногами лошадей и соломинками-копьями. Крошечные армии там, вдали, лишь отсюда выглядели крошечными; для самих же малюток-рыцарей и побоище, и доспехи, и кони, и копыя — все было настоящим; по-настоящему они сражались и по-настоящему умирали, и еле слышными голосами изрыгали проклятия и зывали о помощи.

На крыше сидели любопытные, засовывая нос в прорехи (вот-вот обрушат крышу, негодники), повсюду, куда ни глянь, виднелись серые хари с разинутыми глазами и слюнявыми ртами, а чужеземцы-короли со своими бесполезными

дарами как будто и не замечали всего этого, ведь они жили в собственном мире — мире видений, прозрений, хрусталя, благовоний и золота. Что охраняло их в пути, если они пришли сюда без хорошего сопровождения? Как им вообще удалось пройти по этой стране, где одна армия готовится напасть на другую, где реки взбиты ногами коней и растревожены копьями, где дома похожи на алхимические сосуды, в которых бурлят недобрые зелья, где каждая чаша в руке может ожить и загадать неразрешимую загадку, а разбойники встречаются на дорогах чаще, чем бездомные псы?

Эти трое были так же беззащитны, как женщина и младенец. Если бы они вздумали сейчас бежать до города, им пришлось бы миновать две сражающиеся армии и реку. И еще неизвестно, какой прием ожидал бы их в самом городе.

Но этот, подглядывающий, в плаще на голое тело, таил в себе угрозу куда более страшную, чем армии крошечных воинов. Невозможно было догадаться, о чем его мысли и в чем его намерения.

Внезапно Сарториусу подумалось, что ни мыслей, ни намерений у этого полуголового человека вовсе нет; он — пустота, одна лишь оболочка. У безобразных его слуг, у любопытных мужланов, подглядывающих с крыши, — у всех были какие-то простые человеческие думки, а у этого разум как будто был погружен в ледяную, сверкающую пустоту. И в этой пустоте неприятно, даже болезненно для него мерцало теплое, живое пятно — мать и дитя на коленях матери.

Сарториус перевел глаза на чашу в руках одного из королей. На самом деле он, сам того не сознавая, скользил взглядом вслед за солнечным лучом, который перемещался по часовне. Странные существа шествовали друг за другом, опоясывая чашу бесконечным барельефом. Солнце касалось то одной, то другой фигуры, осторожно оживляя каждую из них, и внезапно они действительно ожили и двинулись по кругу, сначала медленно, а затем все быстрее. У Сарториуса закружилась голова, перед глазами потемнело, и он схватился рукой за колонну рядом с картиной. Наверное, в этот момент, теряя сознание, он ударился о полотно лбом, — достоверно ничего не известно, однако, когда он очнулся в прохладе и полумраке подвала под часовней, лоб у него горел как от ожога.

Чей-то голос произнес несколько коротких шипящих слов. Сарториус зажмурился, снова открыл глаза — темнота вокруг него наполнилась слабым теплым светом: где-то в глубине подвала горела лампа. Она горела еле-еле и коптила так, что запах доносился даже сюда; и все-таки это был свет.

Рядом с Сарториусом стоял, кутаясь в красный плащ, тот человек с картины. Его голые босые ноги торчали из-под плаща. Они казались каменными — твердые, какие-то неживые, бледные ноги с длинными пальцами, впившимися в пол, словно когти хищной птицы. На левой щиколотке у него была кровоточащая рана, закрытая стеклянной колбой. Он встретился с Сарториусом глазами и снова заговорил на страшном шипящем языке.

Некоторые слова, как ни странно, были Сарториусу знакомы, и тогда он понял, что с ним разговаривают на языке ада и что язык ада действительно представляет собой искаженную речь изначального, навсегда потерянного рая. И некоторые осколки райского наречия, что сохранились в древнегреческом, вавилонском и даже в замаранной школярами латыни, были Сарториусу известны. Поэтому отчасти он понял, о чем шипит ему полуголый человек.

— Кто ты такой? — спросил Сарториус, мешая слова всех тех языков, что содержали в себе осколки райского. — Почему ты не одет?

— Не о том спрашиваешь, — отвечал незнакомец.

— Это твой сарай?

— Не имеет значения.

— Это же твои слуги там?

— Да какая разница!

— Кто ранил твою ногу?

— Бессмысленный вопрос.

— Почему ты носишь стеклянную колбу как чулок?

— Чтобы не пачкать рану.

— А если ты разобьешь колбу?

— Поранюсь снова.

— Ты не боишься умереть от этого?

— Суть не в этом.

— Почему ты не одет?

— Я одет.

— Где мы находимся?

— Под часовней.

— Зачем мы здесь?

— Скоро поймешь.

— Тут есть нужные мне книги?

— Ты, как я погляжу, совсем дурак, — сказал полуголый и ушел. Его твердые пятки стучали по каменному полу, а красная одежда постепенно наполнялась чернотой и наконец совершенно слилась с нею.

Сарториус еще раз повторил в уме слова адского диалекта, которыми обогатил свой разум, но от каждого произнесенного слова ему становилось нехорошо, и он решил, если получится, поскорее забыть их.

Подвал под часовней оказался обширнее, чем сама часовня, — видимо, он простирался дальше, захватывая часть земли под собором. Сарториус добрал до лампы, держась рукой за стену, чтобы не упасть (голова у него все еще кружилась). Он поправил фитилек, убедился в том, что масла в лампе достаточно (кто ее заправил и кто ее зажег?), и двинулся дальше. И почти сразу ударился ногой о сундук.

Прикусив губу, Сарториус перетерпел, пока боль перестала быть такой жгучей, затем поставил лампу на пол и опустился перед сундуком на колени.

Сундук был покрыт пылью, но все же видно было, что за ним ухаживают: дерево было отполировано, на металлических застежках — ни следа ржавчины. Ключ нашелся поблизости на стене, и Сарториус, не раздумывая, снял его и открыл замки.

В сундуке лежали книги и пачки листов с рисунками. Сарториус осторожно вынул одну из них и едва не выронил: на обложке было написано его собственное имя.

«Сарториус».

На самом деле сначала Сарториус вообще не понял, что написано на обложке. Линии, прочерченные слабой, дрожащей рукой, складывались в знаки неохотно. Да и что это были за знаки, на какую звучащую речь они намекали, сначала тоже было не разобрать. Но чем дольше Сарториус всматривался в них, тем отчетливее различал их, и, в конце концов, они как бы сами собой заговорили с ним на латыни. А заговорив, произнесли его собственное имя.

Впервые в жизни он услышал, как его призывают по имени. До сих пор Сарториус сам дерзал всех окликать: кувшин он называл «кувшином», перебирая это наименование на всех известных ему языках; дерево он звал «деревом», а порой — «дубом» или «кленом», но, надо сказать, и «клен», и «дуб», и «яшень», и любое другое наименование не встречало у деревьев такого отклика, как самое простое

слово — «дерево», ведь «дерево» — это то, чем все они были изначально. Здесь стоило бы задуматься, росли ли в раю клены, дубы или ясени, или же фиговые и яблоневые деревья. Возможно, там росли некие «деревья» как таковые, не имевшие между собой деления, — как не имели деления языки или люди.

Много соображений касательно имен — истинных, искаженных или полностью ложных — имелось у Сарториуса, и он без колебаний использовал все, что успевал осмыслить, и звал — тем самым, быть может, истязал вещи и иные существа.

И вот настал миг, когда точно так же, властно и без всякого сострадания, окликнули его самого.

В этот миг он был беспомощен и обнажен, как младенец, рожденный в чужом сарае, на чужой дороге, рядом с воюющими армиями, окруженный бессмысленными харями. Кто-то, таящийся за этими буквами, кто-то, окликнувший его таким образом, что не отозваться и не подчиниться он не посмел, сделал это ради собственного любопытства.

Дрожащими руками Сарториус раскрыл книгу и, лишь прочитав несколько строк, понял, что это чьи-то записи о сделанном, увиденном и изученном и что этот неизвестный просто-напросто носил такое же имя, как он сам.

Он, этот автор записок, называл себя «братом Сарториусом», «главой ордена Небесного Иерусалима Святого Иоанна Разбойного» — тайного ответвления Братства Богоматери, о котором, как теперь выясняется, недаром вдруг пошла дурная молва.

— Брат Сарториус, — прошептал Сарториус ван Эрпе, — брат мой, я прочту твои записи и пройду по твоим следам, если ты этого хочешь.

Он отложил книгу и взял в руки листы.

Он сразу узнал одного из тех, кто сидел на дырявой крыше сарая и таращился на красивую женщину. Он даже понял, о чем тот думал: «Если у той женщины не нашлось денег на приличный ночлег в городе, то откуда взялись эти роскошные одежды, в которые она облачилась?» Лысый старичок, похожий на святого отшельника с другой картины, сушил над огнем пеленки, и ему единственному было спокойно среди всех этих жизненных нестроений: дожив до своего возраста, он утратил способность испытывать страх или удивляться. Несколько лиц, искаженных болью и яростью, несомненно, принадлежали рыцарям, сражавшимся вдалеке; чуть поодаль валтузили друг друга какие-то простолюдины, и Сарториус вдруг ощутил, как к горлу подкатывает смех: да, эти уродливые человечки были забавны

и не опасны даже друг для друга. Он услышал, как они перебраниваются, и вдруг до его слуха донесся лай собаки; но саму собаку не увидел — может быть, она пряталась на каком-то другом рисунке.

Алхимическая посуда или дома, виднеющиеся из-за городской стены, — понимать можно было двояко, — были на следующем листе, а внизу, в углу, плясала, упираясь кулаком в бедро, полная женщина с головой свиньи. В другой руке у нее был разбитый кувшин.

Лампа мигала, когда неизвестно откуда доносился порыв слабого, полузадушенного ветерка; в подвале гулял, на подгибающихся ногах, заблудившийся сквозняк. Во вздрагивающем свете оживали лица, и как будто слышались издалека их голоса, говорящие на латыни, на фламандском наречии, на наречии фризском и прочих германских, а также на языке ада и немного на древнегреческом. Звучали также язык собак, язык птиц, язык свиньи и язык музыкальных инструментов.

Руки Сарториуса задрожали, и листы рассыпались. Лица, зарисовки рук и пальцев, складчатые ткани, несуществующие звери с жирными ляжками, ножи на ножках, говорящие ягоды — все они лежали вокруг Сарториуса на полу, образуя хаос, из которого никому не под силу было создать новый мир, потому что в этом хаосе отсутствовали какие-то очень важные детали, а без них новый мир создать было невозможно.

Сарториус услышал чьи-то шаги и подумал, что возвращается тот, с колбой на щиколотке, но это пришел полубрат здоровенного роста и проговорил своим грубым голосом:

— Так и думал, что вы сюда провалились. Идемте, помогу выбраться. Тут ходы знать нужно. Кто не местный — тот и сгинуть может.

— Погоди, — пробормотал Сарториус. — Книга...

— Сдалась вам эта книга, — с досадой молвил полубрат. — Суньте в сундук.

Сарториус сделал вид, что убирает книгу в сундук, но вместо этого спрятал ее за пазуху. Полубрат то ли притворился, что не заметил, то ли и вправду не заметил. Крышка сундука захлопнулась, и тут Сарториус спохватился:

— Погоди, а рисунки?

Полубрат огляделся.

— Какие еще рисунки? — спросил он, пожимая плечами.

Сарториус закрыл глаза, а когда открыл их, рисунков на полу и вправду не оказалось.

Он наклонился, поднял лампу, погасил ее и осторожно поставил на сундук.

— Кстати, — спросил он полубрата, — а кто здесь зажег лампу?

— Ты, как я погляжу, совсем дурак, — прошептал полубрат и зашлепал сандалиями, направляясь в темноту.

6

«Поклонение волхвов» было приказано доставить герцогу Эгмонту, поэтому Иоганн де Кассемброт деятельно принялся за работу. Церковное начальство оповестили, городское начальство тоже было поставлено в известность, Братство Богоматери, не сумевшее дать внятное объяснение своим методам и целям, поскрипело зубами, но возражать не посмело, и Сарториус ван Эрпе вместе с приданным ему в помощь полубратом принялся за работу. Полубрат был вроде бы тот же самый, что вывел его из подземелья, но поручиться за это Сарториус не мог. Тот же виду не подавал. Возможно, впрочем, что это был какой-то другой, потому что в подземелье было темно и лица своего спасителя Сарториус толком не разглядел.

Они вместе взялись за картину и начали снимать ее со стены, но это оказалось непросто. Слуги полуголого, в красном плаще, вдруг метнулись куда-то в глубину сарая. Картина накренилась, и забравшиеся на крышу посыпались с нее на землю. Послышались крепкие фламандские ругательства. Сперва Сарториусу подумалось, что ругается полубрат, но у того губы не шевелились, так что единственный, кто мог ругаться, определенно находился где-то внутри картины. Теперь уже все мужланы побежали к внутренней стене сарая и что было сил впились в нее руками, не позволяя отделить полотно от каменной кладки. Пришлось нести длинный нож и отковыривать картину, просунув лезвие между полотном и стеной.

Тут потекла кровь, и картина страшно закричала. Она кричала несколькими голосами одновременно, высокими и низкими, темная красная лужа постепенно собиралась на полу, подтекая к ногам Сарториуса и безмолвного полубрата, безобразные люди в лохмотьях бегали взад-вперед, волхвы вцепились в свои дары, как будто засомневались, стоит ли их отдавать. Армии всей массой навалились друг на друга, и на копьях скорчились нанизанные тела. И только женщина в царских одеждах оставалась безмятежной в лучах незримого света, и вокруг нее разливалась тишина.

7

В книге, украденной в Хертогенбосе, Сарториус ван Эрпе вспомнил лишь в Антверпене, на обратном пути. После того как «Поклонение волхвов» было надлежащим образом упаковано и уложено, а Иоганн де Кассемброт закончил свои дела и отдал приказ выезжать, книга перекочевала из-за пазухи Сарториуса в его дорожный узелок и там оставалась неприкосновенной. Он не то что забыл о ней — просто она сама как-то ускользнула из его памяти. Но вот в спокойной обстановке она вновь попала ему на глаза, и он наконец раскрыл ее.

Некоторые из листов, которые Сарториус отчетливо видел на полу под часовней, внезапно обнаружили в книге: ими были проложены страницы, исписанные неровным почерком. Поначалу другой Сарториус старался писать красиво, но чем дальше он писал, тем более неровным становилось его повествование.

Несколько историй были записаны как рассказы очевидцев: судя по всему, Сарториус пытался сохранить особенности речи людей, о которых писал. Впрочем, все это было недостоверно, как, собственно, и личность этого другого Сарториуса, не говоря уж о созданном им братстве Святого Иоанна Разбойного. И кем он был, этот Иоанн? Был ли он раскаявшимся на кресте разбойником или кем-нибудь еще — это тоже оставалось неизвестным, поскольку само братство сгнуло вместе со своим основателем, и если Сарториус ван Эрпе не перепишет украденную им книгу, то вся история другого Сарториуса так и сгинет в океане хаоса — того самого хаоса, в котором не достает наиболее важных деталей и который по этой причине обречен никогда не превратиться в стройный и красивый космос.

И, может быть, поэтому райский язык также не подлежит восстановлению; впрочем, этот вопрос до сих пор остается спорным.

Содержание

Предуведомление	3
Часть первая. «Поклонение волхвов»	5
Часть вторая. «Извлечение камня глупости»	23
Лицо жабы	24
Братство арифметиков	41
Часть третья. «Корабль дураков»	73
Гибель стихов	74
Вместилище всех болезней	96
Часть четвертая. «Стог сена»	117
Всякая плоть есть трава	118
Рыцарь лебедя	139
Часть пятая. «Семь смертных грехов»	155
Часть шестая. «Сад земных наслаждений»	223
Часть седьмая. «Искушение святого Антония»	249

